

В тускло освещенных пределах Тисовой улицы № 4 юный Гарри Поттер съежился под лестницей, его маленькое тело тряслось от страха и усталости. Шкаф, его скудное убежище, не приносил утешения от безжалостной жестокости его тети Петунии и дяди Вернона Дурсля. Громкий голос дяди Вернона эхом разнесся по дому, как гром, когда он ругал Гарри за малейшие проступки, реальные или воображаемые. – Ты никчёмный мальчик! – рычал он, лицо его искажалось от ярости. – Ты всего лишь обуза, урод! Тетя Петуния, ее тонкие губы неодобрительно сложились в линию, насмеялась над каждым движением Гарри, ее презрение было ощутимо в каждом взгляде. – Ты никогда ничего не добьешься, – шипела она, и в ее голосе сквозило ядовитое презрение. Для Гарри каждый день был битвой за выживание, бесконечным циклом пренебрежения и жестокого обращения. Его еда была скудной и безвкусной: ему, как собаке, бросали объедки. Его одежда была поношенной, изношенной и плохо сидящей, постоянно напоминая о его статусе ненужного бремени. Но сильнее всего ранили эмоциональные шрамы, постоянный шквал оскорблений и насмешек, подрывавших чувство собственного достоинства Гарри. – Ненормальный! – они пели, их голоса эхом отдавались в его ушах еще долго после того, как слова затихли. Пока Гарри робко мыл посуду на кухне Дурслей, его сердце колотилось от трепета, из-за скольжения его пальцев кастрюля с громким звоном упала на пол. Мгновенно у него перехватило дыхание, когда страх захлестнул его, словно приливная волна. Звук эхом разнесся по дому, ярко напоминая о его неуклюжести и неадекватности в глазах дяди. С оглушительным ревом дядя Вернон ворвался на кухню, его лицо исказилось от ярости, а кулаки были стиснуты по бокам. – Ты бесполезный мальчик! – проревел он, его голос эхом отразился от стен. – Даже простую задачу ты не можешь сделать, не доставив проблем, не так ли? Сердце Гарри упало, когда он приготовился к неизбежному наказанию, его глаза были устремлены в пол, не в силах встретиться с разъяренным взглядом дяди. Он знал, что его ждет: резкие слова, жестокие выговоры, возможно, даже удар по голове. Быстрым движением дядя Вернон схватил Гарри за воротник рубашки, дернув его вперед с силой, рожденной гневом и разочарованием. – Я научу тебя быть осторожнее, – выплюнул он, обжигая лицо Гарри дыханием. А затем, без предупреждения, он нанес Гарри жгучую пощечину, сила удара вызвала волны боли, пробежавшие по его телу. Гарри пошатнулся назад, его зрение затуманилось слезами, щека пульсировала от агонии. Пытаясь восстановить самообладание, Гарри почувствовал, как внутри него поднимается волна гнева и неповиновения, яростная решимость бросить вызов жестокости своего дяди и доказать, что он достоин большего, чем то насилие, которое он пережил. Последним презрительным толчком дядя Вернон отправил Гарри растянуться в тесном пространстве под лестницей, и тьма окутала его, как удушающее одеяло. Дыхание Гарри стало прерывистым, когда он изо всех сил пытался подняться прямо, его тело болело от перенесенных побоев. – Оставайся здесь, никчёмный мальчик, – выплюнул дядя Вернон, и в его голосе сквозило ядовитое презрение. – Ты не выйдешь оттуда, пока я не скажу. И даже не думай просить еды – тебе повезет, если я тебя вообще выпущу на этой неделе. Звук тяжелых шагов дяди Вернона удалился вдаль, оставив Гарри одного в удушающей тишине шкафа. Слезы защипали его глаза, когда он свернулся в клубок, желудок сжимался от голода, тело дрожало от усталости и боли. Каждый вздох был борьбой, каждое сердцебиение — напоминанием о боли, которая охватывала его, как неумолимый прилив. Дрожащими руками и задыхающимся от слез голосом Гарри прошептал отчаянную молитву в пустоту, его слова были мольбой о спасении от адского существования, ставшего его реальностью. – Пожалуйста, – умолял он, его голос был едва слышен среди звука собственного прерывистого дыхания. – Кто меня слышит, пожалуйста, помогите мне. Вытащите меня отсюда, или... или дайте мне умереть. Я больше не могу это терпеть. Я не могу... Его слова переросли в рыдания, грудь вздымалась от тяжести отчаяния. В последовавшей за этим тишине Гарри цеплялся за хрупкую нить надежды, которая все еще жила в нем, молясь, чтобы каким-то образом его просьба была услышана и он нашел способ избежать мучений Тисовой улицы. Когда слезы Гарри смешались с темнотой шкафа, его магия зашевелилась внутри него, безмолвная мольба об избавлении от бесконечных мучений, которые стали его

существованием. Без его ведома его крик о помощи разнесся по всему космосу, достигнув огромных просторов космоса. В глубинах пустоты Дракор, клинтарский симбиот, дрейфовал в состоянии спячки, его сознание дремало, но все еще было настроено на приливы и отливы вселенной. Почувствовав сигнал бедствия родственной души, Дракор очнулся от сна, неумолимо влекомый к источнику страданий Гарри. Через бескрайние просторы космоса Дракор помчался к Земле, ведомый маяком магии Гарри, проблеском света среди тьмы космоса. С каждым мгновением присутствие симбиота становилось сильнее, его сущность переплеталась с сущностью Гарри, пока он мчался к предназначенному месту назначения. Когда Гарри поддался истощению и погрузился в прерывистый сон, не подозревая о сближающихся вокруг него космических силах, Дракор приблизился, и его прибытие ознаменовало новую главу в бурном путешествии молодого волшебника. И хотя Гарри продолжал спать, его подсознание тянулось к спасению, Дракор приблизился, готовый ответить на зов и создать связь, которая бросит вызов границам пространства и времени.—Когда ночное небо над Тисовой улицей было разрушено оглушительным грохотом и ослепительной вспышкой света, жители тихой пригородной улицы вырвались из сна, их сердца колотились от страха и растерянности. В доме Дурслей лицо дяди Вернона побледнело от ужаса, когда он обменялся паническими взглядами с тетей Петунией и Дадли. Дрожа от предчувствия, они сгрудились вместе в безопасной гостиной, их голоса были приглушены страхом, пока они размышляли об источнике беспокойства. Тяжёлой рукой и резкими словами дядя Вернон схватил Гарри за руку и потащил его из тесного чулана под лестницей. – Выходи, мальчик, – выплюнул он дрожащим от страха голосом. – Иди и посмотри, что случилось. И не смей возвращаться, пока не проверишь каждый дюйм улицы. Сердце колотилось от трепета, Гарри, спотыкаясь, вышел в ночь, его глаза расширились от страха, когда он осматривал темноту в поисках каких-либо признаков опасности. Казалось, каждая тень угрожающе вырисовывалась, каждый звук был шепотом о надвигающейся гибели. Но когда Гарри пошел дальше по улице, его чувства обострились от адреналина, текущего по его венам, он вскоре обнаружил истинный источник беспокойства. Там, посреди Тисовой дороги, находился большой кратер, земля которого все еще тлела от удара. У Гарри перехватило дыхание, когда он осторожно приблизился, предполагая, что это был метеорит, упавший на Землю. Воздух вокруг кратера был насыщен запахом сожженной земли и озона — остатками мощной энергии, сопровождавшей крушение. Когда он выглянул через край, глаза Гарри расширились от изумления и страха. В центре кратера лежал не камень, а мерцающая, пульсирующая масса, темная и жидкая, не похожая ни на что, что он когда-либо видел раньше. Привлеченный необъяснимым притяжением, Гарри сделал шаг ближе, волосы на его затылке встали дыбом, когда он почувствовал странную связь с существом перед ним. Масса начала перемещаться и двигаться, вытягивая щупальца темной энергии, которые, казалось, чувствовали его присутствие. В тишине ночи сердце Гарри колотилось в груди, когда существо, Дракор, начало откликаться на зов его магии. Щупальца симбиота мягко обвили вокруг Гарри, окутывая его коконом тьмы, который казался одновременно чуждым и странно утешающим. В голове Гарри пронесся вихрь мыслей и эмоций, когда он понял, что это был не просто метеорит, а нечто гораздо более необычное. Симбиот, почувствовав его отчаяние и боль, начал сливаться с ним, наполняя его своей мощью и силой. Когда между ними образовалась связь, Гарри почувствовал прилив энергии, не похожий ни на что, что он когда-либо испытывал. Синяки и боли от избиения его дяди, казалось, исчезли, уступив место вновь обретенной стойкости и решимости. Он посмотрел на свои руки, теперь покрытые гладкой темной субстанцией, переливающейся оттенками красного и золотого. Существо, Дракор, было преимущественно черным, его форма покрывалась драконьей чешуей, зловеще сверкавшей в лунном свете. Щупальца Дракора продолжали обвиваться вокруг Гарри, укрепляя их связь. Он чувствовал, как через него течет огромная сила, как будто сама сущность симбиота сливалась с его собственной. Форма Дракора приняла более четкую форму: выросли крылья, которые величественно выгнулись из спины Гарри, их края были покрыты золотом и красным, как угли в кузнице. Гарри ахнул, смесь

благоговения и страха охватила его, когда он почувствовал, как крылья сгибаются и движутся вместе с его мыслями. Присутствие симбиота в его сознании было одновременно чуждым и знакомым, утешительным шепотом посреди его суматохи. Вместе они были больше, чем просто мальчик и симбиот; они были единым целым, связанным общей волей к выживанию и процветанию. Когда Гарри сделал неуверенный шаг вперед, земля под ним, казалось, загнулась от энергии. Он почувствовал себя легче, сильнее, как будто тяжесть его предыдущей жизни упала с его плеч. Воспоминания о жестокости Дурслей все еще сохранялись, но теперь они были смягчены вновь обретенным чувством цели.

<http://tl.rulate.ru/book/109263/4088700>